

Барбара Картленд

Секреты прошлого

*Все персонажи и ситуации в книге
вымышленные и никак не связаны
с реальными людьми или событиями*

Корк подал на стол обед, и виконт принялся обсуждать с девушкой благоустройство сада. Он слишком нервничал, поэтому не мог с самого первого слова заговорить о женитьбе.

Но вот когда обед подошел к концу, понял — ему не остается ничего иного, как собрать все свое мужество и задать тот самый вопрос, не дававший ему покоя.

Прочистив горло, виконт сказал:

— Мне хотелось бы знать, была ли у вас возможность обдумать мое предложение.

Луэлла, избегая его взгляда, отложила в сторону десертную ложечку.

Он заметил, что она не решается заговорить, и заподозрил самое худшее.

— Была, — наконец промолвила девушка своим ясным музыкальным голосом. — Но после

того, что я намерена открыть вам, быть может, вы захотите взять свое предложение обратно.

— *Никогда!* — вскричал он, и его карие глаза вспыхнули пламенем страсти. — С какой стати я должен делать нечто подобное?

— С такой, — негромко произнесла Луэлла. — Однажды я уже была помолвлена — с другим.

Сердце виконта билось так сильно, что ему было трудно дышать.

— И только? — бессвязно пробормотал он. — Это не имеет никакого значения... и ничуть не помешает нам с вами обручиться.

— Но я... товар, уже бывший в употреблении.

— Вы имеете в виду...

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодовитой писательницей — автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов, ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к

жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннеса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более, в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви — вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Когда у меня в двенадцать лет спросили, что самое важное в жизни, я не раздумывая ответила — ЛЮБОВЬ. Сейчас мне уже девяносто, но я до сих пор придерживаюсь прежней точки зрения и не изменю ее никогда!

Барбара Картленд

Глава первая

1901 год

— Идемте же, тетя Эдит, — прошептала Луэлла Риджуэй, наблюдая, как посыльный сражается с грудой чемоданов, когда перед ними открылся лифт. — Нам нужно спешить.

Посыльный проворчал что-то неразборчивое и поудобнее перехватил чемодан, зажатый у него под мышкой. Он решительно отказывался понимать, куда эти англичанки могут торопиться в столь поздний час.

— Луэлла, ты взяла с собой ночное белье, лежавшее у тебя под подушкой? — осведомилась графиня Риджуэй, втискиваясь в кабину лифта вместе с племянницей. — Очень надеюсь, что ты не забыла ту чудесную ночную сорочку.

— Она в коричневом чемодане, — вздохнула девушка.

Лифт начал медленный спуск вниз. Но вот двери его разъехались, и леди оказались в фойе, где царила жутковатая сверхъестественная тишина. На своих постах дежурили только ночной портье и регистратор.

Графиня уверенным шагом подошла к стойке и на безупречном французском языке потребовала счет.

— Вы покидаете нас, мадам графиня? — осведомился клерк.

— Да, и я была бы вам чрезвычайно признательна, если бы вы воздержались от ответов на вопросы о нашем местонахождении либо пункте назначения нашего следования. Нам бы хотелось сохранить свое путешествие в тайне.

— *Bien sûr*¹, мадам графиня, — отозвался клерк, протягивая ей счет за проживание в гостинице.

Графиня внимательно рассмотрела бумагу в лорнет, после чего вынула из ридикюля несколько крупных ассигнаций. Луэлла в нервном ожидании

---

¹ *Bien sûr* (франц. .) — естественно, разумеется, конечно. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

застыла рядом, оглядываясь по сторонам с выражением насмерть перепуганного кролика.

— Тетя, от всей души надеюсь, что этот ужасный человек не войдет сейчас через вон те двери, — дрожащим от сдерживаемого волнения голосом пролепетала она.

— Не волнуйся, — ответила графиня. — Я сама слышала, как всего несколько часов назад он заказывал экипаж до казино — и потому вернется еще не скоро. Он будет играть до тех пор, пока начисто не опустошит свои карманы.

— Очень на это надеюсь, — прошептала девушка, поправляя выбившуюся из-под шляпки прядь волос. Зрачки ее светло-голубых глаз испуганно расширились. На милом личике в форме сердечка предательски дрожала нижняя губка, и окружающим Луэлла казалась эфемерным, нереальным видением, занесенным на Землю исключительно волею богов.

Именно эта необычная внешность и навлекла на нее нынешние проблемы. С тех пор как она случайно познакомилась с Франком Коннолли в одной из гостиниц Монте-Карло, он успешно доказал, что является чрезвычайно неприятной личностью.

«С этими озабоченными и вечно пребывающими в стесненных обстоятельствах

буканьерами² всегда так, — заявила тетка, заметив, что Луэлла расплакалась, когда он вздумал оказывать ей настойчивое и совершенно нежеланное внимание. — Он смотрит на тебя и хочет, чтобы твоя красота принадлежала только ему, но при этом в первую очередь видит в тебе лишь состояние, способное спасти его от бесчестья и позора. Наверняка ему известно, что ты должна унаследовать очень крупную сумму, не говоря уже о моих поместьях в Шотландии, которые станут твоими после моей смерти». «Ах, тетя, умоляю вас, не говорите мне об этом! Ваши деньги мне совершенно не нужны, хотя я должна признать, что ваш замок мне очень нравится». «И в один прекрасный день он станет твоим», — отозвалась графиня.

И вот теперь, месяцем позже, они вынуждены были в панике переезжать из одной гостиницы в другую, а Франк Коннолли преследовал их по пятам.

---

² Буканьеры — пираты, которые нападали на испанские флотилии в Карибском море во второй половине XVII века. Ныне термин «буканьер» используется как синоним понятия «пират». Здесь слово использовано в переносном значении. (Примеч. ред .)

В конце концов, после ужасной недели в Париже, где он угрожал покончить жизнь самоубийством, если Луэлла не пообещает немедленно выйти за него замуж, они решили поехать в Англию и вернуться в свой шотландский дом в Пертшире.

Сунув ридикюль под мышку, тетя Эдит последовала за посыльным к ожидающему экипажу, и ночной портье поспешил распахнуть перед леди двери.

— *Von voyage* ³, мадам графиня, мадемуазель Риджуэй, — с поклоном промолвил он. — Будем ли мы иметь счастье вскоре снова увидеть вас?

— Я так не думаю, — высокомерно заявила в ответ графиня. Затем, повернувшись к кучеру, она нетерпеливо бросила: — *Depechez-vous, monsieur. La Gare Saint Lazare, s'il vous plait* ⁴.

Поскольку обе женщины разместились вполне благополучно и все их вещи были уложены в экипаж, карета сорвалась с места, после чего Луэлла вздохнула с облегчением.

---

³ *Von voyage* (франц.) — Счастливого пути.

⁴ *Depechez-vous, monsieur. La Gare Saint Lazare, s'il vous plait* (франц.) — Поторопитесь, любезный. Вокзал Сен-Лазар, пожалуйста.

Она знала — тетка права. Франк Коннолли наверняка просидит за игорным столом до самого утра, а к тому моменту они уже успеют сесть в поезд до Дувра, график следования которого согласован с пароходным расписанием.

Пока экипаж мчался по парижским улицам, Луэлла откинулась на спинку сиденья, погружившись в мысли о Шотландии.

Минул уже год с той поры, как нога ее в последний раз ступала на землю Британии, и девушка с нетерпением ожидала возвращения.

— Мы не станем задерживаться в Дувре, — заявила тетя Эдит, когда карета уже подъезжала к вокзалу. — В Гастингсе я знаю одну приличную гостиницу, где мы и остановимся, перед тем как направиться в западную часть страны.

— В западную часть страны! — воскликнула Луэлла. — Но разве мы не поедem в Лондон на поезде из Инвернесса? А мне так хотелось пройтись по магазинам и полюбоваться столичными достопримечательностями.

— Нет, — негромко, но решительно отрезала графиня. — Лондон — первое место, где нас станет искать Коннолли. Нет-нет, мы должны сбить его со следа, и потому сначала отправимся в Корнуолл, а уже оттуда потом поедem на север, но только после того, как я сочту, что горизонт чист.

— Однако почему именно в Корнуолл, тетя?

— Потому что неподалеку от Буда живет моя хорошая подруга, с которой я давно не виделась. Я уже написала ей, чтобы она ожидала нашего прибытия. Отделаться от Франка Коннолли будет не так-то легко — как, впрочем, и от всякого одержимого. Я не обрету покоя до тех пор, пока мы не сядем на пароход и я не буду полностью уверена в том, что Коннолли нет на борту.

Экипаж остановился, кучер распахнул дверцу, и Луэлла увидела, что к ним спешит носильщик с тележкой для багажа.

— Да, чем скорее мы доберемся до Кале, тем лучше, — согласилась она, следуя за носильщиком. — От всей души надеюсь, что мы расстались с Франком Коннолли навсегда!

* * *

— Очень хорошо, Кеннингтон, — открываемся.

Рыжеволосый мужчина с аккуратно подстриженными усиками затянулся сигарой, дым от которой колечками завивался кверху, и еще раз взглянул на карты, поднеся их к самому лицу. Сидящий напротив него Дэвид, виконт Кеннингтон, вздохнул и небрежно швырнул свои карты на стол.

— Пара семерок, — с отвращением пробормотал он, видя, как его напарник придвигает

к себе сложенные кучкой в середине стола монеты и банкноты. — Все, с меня хватит, старина.

— Как, ты выходишь из игры?

— Увы, боюсь, что так, — вздохнул виконт Кеннингтон, поднимаясь со стула. Проведя рукой по густым черным волосам, он с наслаждением потянулся.

Галстук с ослабленным узлом болтался у него на шее, когда он сгреб со стола маленькую кучку монет, лежавшую перед ним, после чего выпрямился во весь рост и подхватил сюртук, висевший на спинке стула.

— Что ж, в следующий раз тебе непременно повезет, — сказал лорд Чалмерс.

— В последнее время карты вызывают у меня отвращение, — устало отозвался виконт.

— Какой вздор, дружище. У тебя — всего лишь черная полоса, и тебе надо попытаться счастья в чем-нибудь другом.

Виконт, вяло улыбнувшись, поправил галстук. Было уже два часа ночи, и он смертельно устал. Правда, при этом надеялся, что кучер его не уснул на облучке кареты, стоящей на Ганновер-сквер.

— Что ж, до встречи, Кеннингтон. Увидимся на следующий уикенд в «Реформе», да? Намечается небольшая пирушка со Стратфордами — женится их сын и наследник.

— Посмотрим. Спокойной ночи, Чалмерс.

— Спокойной ночи, Кеннингтон, и смотри, не разочаруй нас! Стратфорд чертовски огорчится, если ты не приедешь.

Виконт улыбнулся ему сквозь клубы сигарного дыма и начал застегивать сюртук, после чего направился к выходу, двигаясь с легкой, изящной грацией, выдававшей склонность к занятиям спортом, коим он увлекался в юности.

В Кембридже его считали звездой команды по регби, равно как и выдающимся гребцом.

Но те славные деньки давно миновали, как, впрочем, и страсть к архитектуре, которая, собственно говоря, и привела его в университет.

Многие из преподавателей виконта надеялись, что он станет успешным архитектором, между тем после возвращения в Лондон он лишь бездарно убивал время в игорных домах да клубах столицы.

Начало сезона принесло с собой множество развлечений — а ведь был еще и театр «Гейети» с его прелестными и доступными женщинами.

Виконт весьма разочаровал своего отца тем, что не выказал ни малейшего желания продолжить род и жениться. Собственно говоря, он прилагал все усилия к тому, дабы избежать подобной участи.

— Я не придаю особого значения любви как таковой, — однажды вечером за ужином в особняке лорда Честната заявил Дэвид своим приятелям. — Вполне естественно, каждый должен получать от

жизни удовольствие. Но женитьба? Это для глупцов, лишенных права выбора в данном вопросе.

Собравшиеся за столом лорды, графы и баронеты с умудренным видом покивали головами, при этом все до единого в свое время заключили «выгодные» браки, что отнюдь не мешало им искать развлечений в объятиях других женщин.

Виконт сел в собственный экипаж и зевнул, радуясь хотя бы тому, что поездка от Ганновер-сквер до Саут-Одли-стрит будет недолгой. Он уже мечтал о своей уютной постели в доме, приобрести который ему позволил его скромный доход.

«Ах, если бы только отец не решил наказать меня», — подумал он.

Дэвид изрядно огорчился из-за того, что отец на корню пресек его надежды возродить и отремонтировать заброшенный особняк, о котором ему рассказал лорд Чалмерс.

После того как молодой человек отказался связать себя узами брака с наследницей баснословного состояния Мерриоттов, отец выказал ему свое неудовольствие тем, что сократил его содержание, одновременно запретив деду виконта вмешиваться и восполнять недостаток в доходах любимого внука.

— Дед всегда был готов помочь мне возобновить карьеру архитектора, и тот дом, о котором говорил Чалмерс, прекрасно подошел бы для этой цели, — пробормотал он себе под нос. — Пожалуй, стоит нанести визит дедушке завтра, а вдруг удастся переубедить его и он окажет мне содействие. Ведь отец не узнает об этом, значит, деду ничего не грозит.

В сердце виконта затеплилась надежда, и он откинулся на спинку сиденья, позволяя равномерному колыханию экипажа убаюкать себя. Молодой человек даже не заметил, как заснул. Когда они наконец прибыли на Саут-Одли-стрит, в душе его царил покой, какого он не знал на протяжении вот уже многих недель.

* * *

На следующее утро Хоскин, камердинер виконта, побрил его и помог одеться.

— Вы будете завтракать, милорд?

— Не сегодня, Хоскин. Я намерен нанести визит своему деду и потому готов довольствоваться чашечкой горячего кофе.

Камердинер закончил туалет хозяина, а виконт едва ли не залпом проглотил кофе, после чего надел шляпу и легкое пальто, поскольку денек выдался теплым и солнечным.

Мысленно он по-прежнему то и дело возвращался к заброшенной усадьбе, которую, по словам Чалмерса, выставили на продажу, — брошенный за ненадобностью, обветшалый особняк эпохи короля Якова I⁵ на окраине Бирмингема с большим участком земли и даже рекой, протекающей по нему.

«Это даст мне возможность доказать самому себе, что я все еще могу разрабатывать замечательные современные проекты», — сказал он себе, приподнимая шляпу и здороваясь с леди Каслфорд, дамой, проехавшей мимо в открытом ландо, направлявшемся в Гайд-Парк.

Приближаясь к Гросвенор-плейс, виконт ускорил шаг.

«Очень надеюсь, что дед и впрямь сможет предоставить мне те средства, в которых я нуждаюсь», — подумал он, торопливо шагая по

---

⁵ Яков I Английский, он же Яков (Иаков) VI Шотландский (1567–1625) — король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов. Был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов. Великобритания как единой державы тогда еще юридически не существовало, Англия и Шотландия представляли собой суверенные государства, имевшие общего монарха. (*Примеч. ред.*)

Гросвенор-Крещент к импозантному особняку в дальнем углу Белгрэйв-сквер.

Вскоре он уже крутил ручку резного медного колокольчика, ожидая, чтобы Бейтс, дворецкий деда, отворил ему дверь.

Но вот наконец тяжелые створки распахнулись, и Бейтс оживленно приветствовал виконта:

— Милорд! Его светлость будет счастлив видеть вас. Он сейчас в столовой, завтракает. Прикажете поставить еще один прибор?

— Это было бы весьма кстати, Бейтс. Благодарю вас.

Дэвид направился к столовой и вошел, не дожидаясь, пока дворецкий объявит о его приходе. Маркиз Олдерберри был занят тем, что срезал верхушку яйца, вздыхая над каким-то заголовком в газете.

— Дэвид, рад тебя видеть! — воскликнул он. — Эта бурская война — совершенная бессмыслица, — добавил, кивая в сторону газеты, лежавшей перед ним на столе. — Опять что-то назревает.

Виконт вздохнул:

— Военные вопросы не интересуют меня. Кое-кто из моих приятелей по Кембриджу теперь как раз находится там, и они пишут мне, что это — чертовски грязное дело.

Он опустился на стул, который придвинул ему Бейтс.

Дед Дэвида предпочитал обильный завтрак, и потому на буфете, по обыкновению, стояло множество разнообразных яств.

— Что вам положить, милорд?

— Жаркого из риса с рыбой и гренок, будьте любезны, Бейтс.

— Итак, чему я обязан такой честью, молодой человек? Обычно ты не достаиваешь меня своим присутствием в столь ранний час. Подозреваю, кто-то подтолкнул тебя нанести этот визит или, возможно, что-то стало его причиной.

Виконт рассмеялся, и в смехе его слышались любовь и уважение.

— Не в бровь, а в глаз. Вы проницательны, как всегда, дедушка. Да, мне нужно кое-что обсудить с вами.

— Что ж, спрашивай, — с улыбкой отозвался старик.

— Дедушка, я буду говорить прямо. Мне нужна крупная сумма денег, чтобы вложить ее в бесхозную заброшенную усадьбу, которая, как мне намекнули, только что была выставлена на продажу. По моему скромному разумению, это тот самый проект, коим я действительно мог бы заняться.

— Ты намерен использовать по назначению все то, чему тебя учили в Кембридже?

— Да, я устал от своего образа жизни и полагаю, пришло время вновь вернуться к архитектуре. Тедди Чалмерс говорит, место там — просто чудесное, а для человека с предпринимательской жилкой — так и вообще кладезь возможностей.

— Твои намерения заслуживают восхищения, Дэвид, и я рад, что ты решил заняться таким достойным проектом, однако, боюсь, твой отец связал мне руки в том, что касается возможности предоставления тебе необходимых средств.

— Я знаю, он сказал вам, чтобы вы ничего не давали мне, но ведь не может же он запретить вам распоряжаться собственными деньгами? — осведомился виконт, ковыряясь вилкой в жарком из риса с рыбой и пряностями.

— Мой сын — злопамятный упрямый человек. Он связал мои ликвидные активы и свободные средства, так что у меня попросту и близко нет той суммы, которая бы тебя устроила. Мне очень жаль, Дэвид, и если бы я мог помочь тебе, то сделал бы это без промедления. Но твой отец по-прежнему очень зол на тебя из-за той злосчастной девчонки Мерриоттов.

Виконт отложил в сторону вилку, окончательно лишившись аппетита.

— *Отец* , — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Сначала он жалуется, что я веду никчемный образ жизни, а потом, когда хочу взяться за настоящее дело и составить себе имя, сует мне палки в колеса.

— Он не отступится, Дэвид, и мне очень жаль, что я не могу помочь тебе. Но разве ты больше не можешь обратиться к кому-нибудь другому?

— Только не за такой крупной суммой, дедушка. Это было бы неправильно. А банк полностью подпал под влияние отца и не одолжит мне ни пени. Он вполне успешно лишил меня свободы действий, если я не дам согласия на брак.

— Мне очень жаль, — вздохнул старый маркиз. — Я поговорю с ним о тебе, однако не стал бы возлагать большие надежды на то, что он передумает. Если уж он принял решение, то сам Господь Бог не заставит его свернуть с избранного пути!

Виконт одним глотком осушил свою чашечку с кофе и отшвырнул салфетку.

— Какая досада! Не хочется упускать столь прекрасную возможность, — сказал он. — А теперь позвольте оставить вас в покое. Бабушка дома?

— Нет, она уехала к друзьям в Брайтон и вернется лишь ближе к вечеру.

— В таком случае передайте ей мои наилучшие пожелания. Не смею вас больше задерживать.

Поднявшись, Дэвид почтительно пожал деду руку, а затем принял у застывшего наготове Бейтса шляпу.

Виконт решил прогуляться в Грин-парке и уже направился было к Букингемскому дворцу, но, не успев сделать и нескольких шагов, заметил, что навстречу ему идет не кто иной, как его собственный отец.

Глубоко вздохнув, Дэвид внутренне подобрался, готовясь к неизбежному неприятному разговору. Взаимоотношения отца с сыном оставались чрезвычайно натянутыми, и он понимал — очередной разговор окажется не из легких.

Заметив идущего навстречу сына, граф на мгновение приостановился, но потом решительным жестом скрутил газету в трубочку и двинулся вперед. На лице его появилось угрюмое, настороженное выражение.

— Дэвид, — сказал он, поравнявшись с виконтом, — что ты здесь делаешь?

— Ходил навестить деда, — ответил тот, ожидая неизбежной вспышки гнева.

Отец его не разочаровал.

— Ты сделал *что* ? — взорвался граф, и лицо его побагровело. — Я же тебе говорил, чтобы ты

держался от него подальше и не докучал ему своим попрошайничеством, сопляк ты неблагодарный!

— Но, отец, я надеялся возобновить свою карьеру архитектора и нашел усадьбу, на которой смог бы продемонстрировать свои способности любому...

Граф ухватил сына под руку и потащил его за собой в сторону Белгрэйв-сквер.

— Ты сейчас же пойдешь со мной и попросишь прощения за то, что опять надоедал ему своими просьбами.

— Отец, перестань обращаться со мной как с несмышленным ребенком, — взмолился виконт, пытаясь избавиться от крепкой отцовской хватки.

На следующий день рождения ему уже должно было исполниться тридцать, но отец вел себя так, словно сын по-прежнему оставался десятилетним мальчишкой. Кроме того, будучи единственным ребенком, Дэвид вынужден был взвалить на себя ответственность за все ожидания и планы в отношении семейства Кеннингтонов.

«Эх, если бы жива была мама, — подумал виконт, против воли возвращаясь в дом деда. — Она всегда поддерживала меня».

Однако его мать умерла вскоре после окончания сыном Кембриджа. Она заболела брюшным тифом, ухаживая за бедняками в лондонском Ист-Энде, и, не отличаясь крепким

здоровьем, скончалась всего через несколько недель после заражения.

Вскоре они прибыли к дому маркиза. Бейтс поразился, узрев на пороге графа с виконтом.

Не дожидаясь ответа, граф протиснулся мимо дворецкого, и виконт безропотно последовал за ним.

— Отец! — закричал граф. — Где вы?

Старый маркиз шаркающей походкой вышел в холл, по-прежнему держа в руке газету. Судя по его виду, он только что закончил завтракать.

— Дэвид, — отозвался он, ведь графа звали точно так же, как и его внука.

— Отец, я как раз собирался навестить вас, когда встретил на улице этого негодяя, тайком удирающего из вашего дома. Я уже устал повторять ему, чтобы он не смел докучать вам, и теперь крайне разочарован тем, что он вздумал послушаться меня.

— Дэвид, выслушай мальчика. У него появился шанс стать достойным человеком и прославить нашу фамилию.

— Вздор! Он пришел в поисках денег для игорных домов. Не считайте меня глупцом, который не знает, где его сын проводит почти все свое время. Вы ведь не поверили тому, что он тут вам наболтал, да?

— Отец, дедушка говорит правду. Тедди Чалмерс по дружбе рассказал мне об одной старинной усадьбе, отлично подходящей для того, чтобы я продемонстрировал свои навыки.

— Это было бы напрасной тратой времени! Ума не приложу, как ты сподобился закончить Кембридж. И мне дорого пришлось заплатить за это.

— Дэвид, не думаю, что мы должны опять ворошить прошлое. У мальчика имелись веские причины, дабы не жениться на этой девчонке Мерриотт.

— А я потерял кучу денег и возможность заключить деловое партнерство, сулившее мне чудесные перспективы, только из-за того, что он не счел, видите ли, ее достойной внимания. Молодой болван! Объединившись, два наших семейства стали бы самой могущественной силой в графстве.

— Но я вовсе не хотел жениться, отец.

— Мы пришли на эту землю в качестве правящего класса не для того, чтобы выбирать, когда и с кем нам сочетаться браком, — сердито бросил в ответ его отец. — Есть куда более значимые соображения, например, лояльность к собственной семье. Соображения, о коих ты, похоже, забыл в своей жизни, в которой для тебя имеют значение лишь собственные удовольствия.

— *Немедленно прекратите!* — явно огорченный, воскликнул маркиз. — Я не желаю слушать подобные речи в своем доме.

Однако граф продолжал и далее высказывать недовольство сыном, браня его на чем свет стоит и все больше закипая. Он то и дело тыкал молодого человека в грудь пальцем, а с губ его слетали бранные слова.

— *Прекратите!* — вновь воззвал к ним маркиз слабым голосом.

Бейтс вдруг заметил, что хозяин изменился в лице и начал задыхаться. Лицо его обрело синюшный оттенок, а колени подогнулись.

Поскольку граф стоял к нему спиной, то заметил неладное только после того, как виконт бросился на помощь Бейтсу, чтобы дотащить старика до ближайшего кресла.

— Немедленно пошлите кого-нибудь за доктором! — выкрикнул виконт, ослабляя узел галстука деда. — И поскорее.

Граф, охваченный ужасом, застыл на месте, потеряв дар речи.

— Дедушка! Ты меня слышишь? — Виконт уже опустился на колени рядом со стариком и гладил его по руке.

А маркиз вдруг испустил долгий вздох и скончался на месте.

— Дедушка. Нет! Нет! *Нет!*

— Это ты... убил... его, — пробормотал граф, обессиленно привалившись к стене.

Виконт же уткнулся лбом в колено мертвого деда, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Его воспитывали в убеждении, что мужчины не плачут, но разве можно удержаться от слез, если на ваших глазах умирает человек, которого вы любили и уважали больше всех на свете?

— Вставай, болван! — хрипло прокаркал его отец. — Ты выставляешь себя на посмешище, когда реवेशь как слабая девчонка.

Но виконт оставался подле маркиза до тех пор, пока не прибыл доктор.

— Мне очень жаль, милорд, — сказал он, качая головой. — На вашем месте я бы распорядился перенести его тело в спальню. На обратном пути я заеду к владельцу похоронного бюро и попрошу его немедленно прибыть сюда.

— Благодарю вас, — отозвался виконт, стараясь не дать воли обуревавшим его чувствам. — Это очень любезно с вашей стороны.

— Я должен вернуться домой, чтобы выписать свидетельство о смерти и как можно скорее доставить его вам. Оно понадобится гробовщику и прочим, кто станет заниматься похоронами.

— Разумеется. Еще раз благодарю вас, доктор.

Виконт проводил его до двери, обойдя застывшего в ступоре отца.

Закрыв за доктором дверь, он повернулся к графу.

— Отец...

— Не смей разговаривать со мной и даже не смотри на меня, — прорычал граф глухим голосом, в котором сквозила лютая ненависть. — Ты мне больше не сын!

— Отец, ты расстроен... и сам не понимаешь, что говоришь.

Граф вперил в сына холодный взгляд, и глаза мужчины яростно блеснули.

— Ты убил его. Ты убил его своим эгоизмом! — выкрикнул он. — Убирайся вон отсюда!

Протиснувшись мимо сына, он распахнул входную дверь с такой силой, что та с грохотом ударилась о стену и едва не сбила его с ног, когда он шагнул на порог.

— Смерть деда — на твоей совести. Я никогда не прощу тебя! *Никогда*, слышишь?

С этими словами он сбежал по ступенькам крыльца и выскочил на улицу.

Начался дождь, и на бегу граф низко надвинул шляпу на лицо, оставив потрясенного виконта молча смотреть ему вслед.

Глава вторая

Перемещение из Кале в Дувр оказалось далеко не таким гладким и приятным, как на то рассчитывали Луэлла и ее тетка. Бурное море безжалостно раскачивало пароход, в результате чего обе слегли с приступом морской болезни.

К тому времени как они вошли в порт Дувра, Луэлла была крайне обеспокоена состоянием графини — у той начинался горячечный бред.

— Полагаю, нам лучше переночевать в Дувре и забыть о своих намерениях добраться до Гастингса, — сказала девушка, наблюдая за тем, как двое матросов помогают тетке спуститься с корабля по сходням.

— Нет, мы должны двигаться дальше. Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы выдержать долгую поездку в карете.

Луэлла с тревогой взгляделась в пепельно-серое лицо графини. Хотя тетке было еще далеко до старости, раньше девушка никогда не видела ее такой немощной и обессиленной. Создавалось впечатление, будто она вмиг состарилась за одну ночь.

Матросы быстро отыскивали для них экипаж, запряженный упряжкой превосходных лошадей, и постарались устроить леди поудобнее, а затем распрощались с обеими дамами.

— Какие любезные джентльмены, — пробормотала графиня, пока Луэлла укутывала ее ноги одеялами.

Снаружи входил в силу очередной теплый июльский денек, но графиню била дрожь и она явно нуждалась в тепле.

Луэлла же, прижимая ладонь к животу, мелкими глотками пила воду из чашки, которую дали ей матросы. Девушка понемногу приходила в себя, в отличие от тетки, негромко стонавшей всякий раз, как экипаж подпрыгивал на ухабах и рытвинах дороги, ведущей в Гастингс.

Полдень уже давно миновал, когда они наконец-то прибыли в пункт назначения. Бóльшую часть путешествия графиня попросту проспала.

Луэлла постаралась окружить тетку вниманием и заботой, да и кучера помогали чем могли, снабдив их бутылкой воды и хлебом с маслом. Но к еде графиня даже не притронулась, ограничившись несколькими глотками воды. Таким образом, именно Луэлле пришлось указать возницам дорогу к конечной точке маршрута — гостинице «Георг» в Баттле, неподалеку от Гастингса.

Это был старый постоялый двор, и поначалу девушка даже опасалась, что им там не понравится. Однако едва они оказались внутри, как их провели